

Милитаризация и современное миротворчество

Дмитрий Цыбаков

В системе современных международных отношений миротворческая деятельность приобретает значение одного из ключевых факторов урегулирования этнических и конфессиональных конфликтов, охвативших многие регионы мира после окончания холодной войны. Заявило о себе «миротворчество второго поколения», подразумевающее активную роль субъектов международных отношений в умиротворении регионов политической нестабильности. Характерными при этом были ситуации, когда миротворческие силы, взяв на себя ответственность по ликвидации конфликтной ситуации, на деле оказались не готовы достойным образом выполнить свою миссию, уклоняясь от прямого участия в противодействии вооруженному насилию. В качестве примера можно привести случаи геноцида в Сребренице (Босния и Герцеговина) или в Руанде.

Противоречивую реакцию вызывают политические последствия, которые возникли в результате практического применения «миротворчества второго поколения». Как правило, активное вмешательство в конфликты приводило либо к полному хаосу и воинствующей анархии, как в Сомали, либо влекло за собой безусловное политическое поражение одной из сторон, участвующих в вооруженном противоборстве. Примером может служить позиция, занятая миротворческими организациями и «голубыми касками» в урегулировании конфликта в Боснии и Герцеговине в первой половине 90-х годов, где явно ущемленными оказались интересы государственного образования боснийских сербов.

Очевидная политизация миротворческой деятельности, сопровождающаяся усилением в ее практике вооруженной составляющей, позволяет констатировать влияние на данный процесс такого феномена как милитаризация. В сфере междуна-

ЦЫБАКОВ Дмитрий Леонидович – кандидат политических наук, докторант кафедры национальной безопасности Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. *E-mail:* politgmu@mail.ru

Ключевые слова: миротворчество, миротворческая деятельность, милитаризация, международные отношения, международная организация, Организация Объединенных Наций.

родных отношений, согласно авторскому подходу, милитаризм представляет собой совокупность военных, социально-экономических, правовых и идеологических мер, способствующих применению вооруженного насилия для разрешения наиболее актуальных внешнеполитических противоречий.

Милитаризация как проявление динамического характера рассматриваемого феномена должна трактоваться не только как наращивание военных потенциалов субъектов мировой политики, но и как трансформация системы международных отношений с учетом военных интересов. Представляется, что милитаризация обладает двойственной природой. С одной стороны, международная стратегия государств и их союзов приобретает более агрессивный характер, вовлекая в военные приготовления сферы жизнедеятельности, изначально не имеющие отношения к оборонной политике.

С другой стороны – имеет место использование методов, технологий и практик военного происхождения для решения внешнеполитических проблем, не имеющих прямого отношения к вооруженному насилию. Взаимосвязь милитаризации и современного миротворчества «второго поколения» может быть доказана, исходя из следующих обстоятельств.

Во-первых, миротворческая деятельность в XXI столетии предполагает применение методов вооруженного насилия, предусматривая не только разъединение воюющих сторон, но и операции по принуждению к миру. При этом до настоящего времени не решена принципиальная проблема об определении юридических границ между принуждением к миру и полномасштабной войной.

Во-вторых, миротворчество приобрело идеологизированный и политически ангажированный характер, будучи нацелено на такое умиротворение, которое в конечном итоге приводит к изме-

нению государственных границ и конфигурации геополитических позиций в современном мире.

В-третьих, усилия миротворцев во многих случаях игнорируют принцип национального суверенитета, включая изменение государственного строя тех стран, где размещаются военно-гражданские миссии.

В-четвертых, субъектами миротворчества все чаще становятся организации, изначально созданные в интересах военной политики.

Таким образом, миротворческая деятельность в отдельных случаях позволяет достичь примерно тех же результатов, которые ранее преследовал «классический» милитаризм индустриальной эпохи.

Милитаризм XXI столетия, обязанный своим появлением формированию постиндустриального общества, приобрел специфический характер. Все чаще его адепты отказываются от прямых, откровенных форм вооруженного насилия, предпочитая ретушировать свои экспансионистские замыслы. Практикуются косвенные, гибридные методы милитаризации, выражающиеся в том числе и в различных «военноподобных» операциях в стратегически важных районах планеты.

Принципиальная трансформация миротворческой деятельности, развившаяся в наращивании ее вооруженного потенциала, берет свое начало после доклада Генерального Секретаря ООН Б.Бутроса-Гали, опубликованного в сентябре 1992 г. под названием «На повестке дня – мир»¹. Его наиболее важным моментом была констатация необходи-

мости силового вмешательства международного сообщества в процесс прекращения боевых действий между конфликтующими сторонами.

Глава Организации Объединенных Наций предложил развернутую программу формирования подчиненных ей военных контингентов – вооруженных сил по вызову и подразделений по принуждению к миру.

Помимо прочего, миротворческие силы брали на себя обязанность по обустройству социально-политической системы районов, ранее охваченных вооруженным противостоянием. Таким образом, сразу после устранения с международной арены одного из прежних мировых гегемонов – Советского Союза, со стороны наиболее влиятельной международной организации проявилось стремление вывести Совет Безопасности ООН за его уставные прерогативы: поддержание мира и безопасности².

Первыми прецедентами применения доктрины «нового миротворчества» стали попытки вооруженного урегулирования конфликтов в Сомали и в республиках бывшей Югославии. Если на Африканском Роге усилия военных формирований ООН под командованием США потерпели фиаско, то на территории Боснии и Герцеговины им удалось фактически овладеть положением и при помощи Североатлантического альянса, наделенного мандатом Совета Безопасности ООН, добиться прекращения затяжной войны между формированиями сербов, хорватов и боснийцев-мусульман. Наиболее масштабной акцией того периода стала военно-воздушная операция «Освобожденная сила», проведенная войсками НАТО по согласованию с командованием миротворческого контингента ООН в августе-сентябре 1995 г.

При этом политические предпочтения руководства Организации Объеди-

ненных Наций оказались на стороне Североатлантического альянса, поддерживающего хорватско-мусульманскую конфедерацию, что и отразилось на послевоенном обустройстве вновь созданного государства³.

Как полагают исследователи, постепенное расширение функций ООН на Балканах и «размывание миссии» ее привели к милитаризации ее присутствия в регионе⁴. На протяжении следующего десятилетия теоретически и юридически обосновывалась необходимость наращивания военного потенциала миротворческой деятельности. При этом руководство ООН, фактически признав легитимность вмешательства в конфликты на территории «несостоявшихся государств», благодаря позиции России и Китая воздержалось от поддержки открытых агрессий против полноправных членов международного сообщества – Югославии (1999 г.) и Ирака (2003 г.).

Однако в бюрократической среде Организации Объединенных Наций интенсивно велась методологическая работа, нацеленная на поиск оснований для ниспровержения одного из краеугольных камней системы международных отношений – доктрины национального суверенитета. Итогом ее деятельности стало представление руководству Организации Объединенных Наций доклада, получившего название «Ответственность по защите» («Обязанность защищать»), опубликованного в 2001 г. В дальнейшем данная концепция стала рассматриваться как альтернатива распространенной в 90-е годы доктрины «гуманитарных интервенций».

Этому способствовали выводы экспертной группы под руководством видного ооновского чиновника Л.Брахими («Группа по операциям Организации Объединенных Наций в пользу мира»),

в которых призывалось наращивать потенциал миротворческих подразделений для оказания давления на «сторонников насилия» в конфликтах². Миротворческим силам предлагалось придать характер полноценных вооруженных формирований, обладающих собственной инфраструктурой, командованием, разведкой. В процессе обсуждения проблемы со стороны представителей некоторых членов ООН озвучивались и идеи создания постоянной армии, подчиненной этой организации.

Ревизия доктрины государственного суверенитета, преподносимая как необходимое условие совершенствования миротворческой деятельности, нашла воплощение в официальном документе – Резолюции 60/1 Генеральной Ассамблеи (2005 г.). В нем констатировалась необходимость отказа от прежней его трактовки, которая преподносилась как оправдание деспотической власти государства над своими подданными. Под суверенитетом теперь предлагалось понимать способность правительства защищать права граждан страны независимо от их расовой, этнической и религиозной принадлежности. Основанием для «коллективных действий» международного сообщества в отношении суверенных государств, была названа неспособность национальных правительств пресечь четыре вида эксцессов: геноцид, военные преступления, этнические чистки и преступления против человечности.

Придание «голубым каскам» права применять вооруженное насилие следует признать лишь одним из направлений принципиальной трансформации миротворчества. Подразделениям миротворческих миссий ООН помимо принудительного разъединения воюющих сторон и поддержания режима прекращения огня предоставлялись полицейские и административные функции,

вплоть до организации управленческих институтов и проведения избирательных кампаний.

Концепция «обязанность защищать» только начинает проходить практическую апробацию, однако первые итоги ее применения вызывают немало вопросов.

Создается впечатление, что уже на этапе теоретической разработки доктрины «ответственность по защите» эксперты Организации Объединенных Наций оказались не вполне объективны. Главным виновником гуманитарных катастроф в различных регионах мира, по сути, был объявлен институт национального государства – основной объект нападков со стороны поборников мировой глобализации. Тот факт, что в большинстве случаев за нарушениями законов ведения войны стоят негосударственные парамилитарные группировки, был фактически обделен вниманием стратегов миротворчества нового типа. Санкционируя военные операции на территории независимых государств, руководство ООН не озаботилось выработкой действенных механизмов противодействия произволу со стороны многочисленных военизированных формирований, особенно преуспевающих в период ослабления государственного суверенитета. Усиление влияния негосударственных вооруженных группировок неизбежно, когда национальные правительства, и без того подорвавшие свою легитимность в условиях гражданских войн и конфликтов, начинают испытывать массированный прессинг со стороны международных организаций.

Первые же попытки действовать в духе доктрины «ответственность защищать» показали, что международное сообщество, от имени которого выступает Организация Объединенных Наций, фактически принимает сторону одного из участников вооруженных кон-

фликтов. На примере событий последних лет можно сделать вывод, что обновленная стратегия ООН в сфере миротворчества находит выражение в двух основных вариантах.

В первом случае организация санкционирует военное присутствие в конфликтных зонах других международных объединений или коалиций государств. Именно по такому пути развивались операции атлантических держав на Балканах в 90-е годы и на Ближнем Востоке в первом десятилетии XXI столетия. Мандат ООН предоставлялся субъектам, которые уже разместили в регионах напряженности свои воинские контингенты и нуждались в легитимации собственного военного и политического присутствия.

Так, в соответствии с резолюцией Совета Безопасности ООН № 1244, принятой в 1999 г. предусматривалась замена военных и полицейских формирований сербского правительства в крае Косово подразделениями международного присутствия по безопасности. Решение ООН материализовалось в создании международного воинского контингента – *KFOR*, или «Сил для Косово» (СДК), под командованием Североатлантического альянса. Являясь одним из основных субъектов вооруженного противостояния в регионе, последний логически не мог рассматриваться в качестве нейтральной стороны, что ранее выступало обязательным условием для участия в процессе умиротворения.

Аналогичную позицию Совет Безопасности ООН занял относительно урегулирования ситуации в Ираке, когда согласно его резолюции № 1511 от 16 октября 2003 г. на территории этой страны были образованы многонациональные силы под американским командованием. Близок к рассматриваемому варианту и курс, реализованный руководством Организации Объединенных Наций в ливийском конфликте 2011 г. В

соответствии с Резолюцией № 1973 ООН вновь наделило полномочиями по принуждению к миру самостоятельных акторов мировой политики в лице государств и их региональных объединений. Получив легальное право на ограниченное применение насилия в целях защиты гражданского населения (обеспечение бесполетных зон и эмбарго на поставки вооружений сторонам конфликта), участники международной коалиции вышли за предоставленные им полномочия, обеспечив победу одной из сторон ливийского конфликта.

Другим вариантом реализации «миротворчества нового типа» является прямое участие вооруженных контингентов ООН в боевых действиях. В отличие от первого сценария, когда Совет Безопасности наделял правом силового вмешательства в конфликты государства и военные блоки, в данном случае руководство ООН использовало в тех же целях пребывающий в его временное подчинение контингента «голубых касок». Первым примером подобного рода в современной политике стало участие миротворцев Организации Объединенных Наций в вооруженном противостоянии между претендентами на пост президента Кот-д'Ивуара весной 2011 г. По распоряжению главы ООН Пак Ги Муна «голубые каски» вместе с французскими военными нанесли поражение сторонникам Л.Гбагбо, политика которого не устраивала лидеров мирового сообщества⁵.

Оба описанных варианта «умиротворения с позиции силы» ведут к безусловному военно-политическому поражению одной из сторон конфликта. Мирное население, ради защиты которого и проводятся «миротворческие акции нового типа», на деле полагаются на милость судьбы, в полной мере испытывая на себе произвол многочисленных полевых командиров. Общество погружает-

сы в перманентный конфликт за ресурсы и блага. Вместо одного суверена в лице диктатора или авторитарной партии, народ получает множество пассивных лидеров, приступивших к дележу лавр победы, одержанной при помощи международного сообщества.

Организация Объединенных Наций, утвердив Резолюцию № 60/1 на своей Генеральной Ассамблее (2005 г.), принципиально преобразила содержание и характер миротворчества. Фактически ООН признала правомерность вмешательства во внутренние дела государств, являющихся ее полноправными членами. При этом организация не обладает возможностью контролировать исполнение своих решений, не имеет политической воли для противодействия исполнению постановлений международного сообщества в целях реализации идеи установления «нового мирового порядка».

Санкционировав применение вооруженного насилия в «миротворческих операциях нового типа», ООН воздержалась от всесторонней оценки последствий подобного решения. Организация фактически устранилась от ответственности за политическую дестабилизацию, возникающую вследствие недостаточно обоснованных решений ее руководства.

Возможно, что одним из мотивов, побудивших управленческие структуры ООН принять проект, ведущий к милитаризации миротворческой деятельности, явилось нарастание конкуренции между ведущими акторами политики, стремящихся поколебать позиции легитимного института мирового сообщества в различных сферах международных отношений.

Подводя итог, отметим, что миротворческая деятельность в первом десятилетии XXI в. испытала принципиальные трансформации. Влиятельные акторы мировой политики потеснили позиции ООН как основного субъекта миротворчества. Идея

Организация Объединенных Наций постоянно испытывает давление со стороны адептов глобализации, усматривающих в идее миротворчества потенциал для дальнейшего продвижения своей военно-политической экспансии. Например, представители американских неоконсерваторов, опираясь на работы Р.Хантли, неоднократно озвучивали проекты создания международных объединений – «Лиги демократий» или «Межконтинентального сообщества демократий». Цель деятельности подобных субъектов должна была заключаться в подмене функций Совета Безопасности ООН для упрощения процедур применения вооруженного насилия в мировом политическом процессе.

Совет Безопасности ООН все больше утрачивает возможность контролировать процесс мирного урегулирования в кризисных регионах земного шара, уступая данную функцию ведущим военно-политическим блокам, прежде всего Североатлантическому альянсу. В этой связи целесообразно принять во внимание мнение В.Н.Федорова относительно того, что НАТО не обладает возможностью выполнять комплекс миротворческих задач ввиду своей природы как военно-политического блока⁶.

Как полагает известный российский исследователь В.В.Штоль, в недалеком будущем грянет преобразование Североатлантического союза из доминирующего военного альянса во всеобъемлющее военно-политическое сообщество планетарного масштаба⁷. Следует поддержать мнение, согласно которому Североатлантический альянс использовал ООН как инструмент проникновения в сферу действия миротворческих сил, а также в систему европейской безопасности для подтверждения своей новой роли⁸.

мирного урегулирования во многих случаях выступает в качестве инструмента политики милитаризации, целью которой является установление мирового господства лидеров атлантической цивилизации. Под предлогом умиротворения конфликтных регионов легализуются акты косвенной агрессии, результатом чего становится дестабилизация стратегических регионов планеты.

Под давлением транснациональной атлантической элиты ООН пересматривает принципы миротворчества, придавая им содержание, устраивающее современных сторонников милитаризма. Есть основания полагать, что «миротворчество второго поколения», обладающее очевидной милитаристской составляющей, будет и дальше востребовано для урегулирования кризисов в различных регионах земного шара, включая постсоветское пространство.

Усилия российских представителей в Организации Объединенных Наций, других влиятельных международных институтах должны быть нацелены на приведение теории и практики «миротворчества нового типа» в соответствие с нормами права и традицией мирного урегулирования вооруженных конфликтов.

Примечания

- ¹ *Бутрос Гали Б.* Повестка дня мира. Ежегодный доклад Генерального Секретаря ООН. 31.01.1992 // Вестник МИД РФ. 1992. № 13, 14. С. 83.
- ² *Заемский В.Ф.* Кому нужна реформа ООН – в интересах всех и каждого. М.: Международные отношения, 2011. С. 85.
- ³ Военная политика стран НАТО на Балканах и обеспечение безопасности России на рубеже XX–XXI вв. М.: Академический Проект, 2006 (Киров: Дом печати – Вятка). С. 452.
- ⁴ *Степанова Е.А.* Военно-гражданские отношения в операциях невоенного типа. М.: Права человека, 2001. С. 176.
- ⁵ *Мясников В.* Французы закончили гражданскую войну в Кот-д'Ивуаре. Решающий вклад в победу Уаттары внесли французские войска // URL: http://nvo.ng.ru/wars/2011-04-29/11_cote_d_ivoir.html
- ⁶ *Федоров В.Н.* ООН, другие международные организации и их роль в XXI веке. М.: Логос, 2005. С. 554.
- ⁷ *Штоль В.В.* Армия «Нового мирового порядка». М.: ОГИ, 2010. С. 70.
- ⁸ *Гуськова Е.Ю.* Политика ООН и военные действия НАТО на территории бывшей Югославии в 90-е годы XX в // Балканские страны и международные организации: модели отношений на примере Болгарии, Румынии и Югославии. М: ИНИОН, 2000. С. 98.